

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

И.М. Савельева

**ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С «ИСТОРИЕЙ
И ТЕОРИЕЙ?»**

Препринт WP6/2011/03
Серия WP6

Гуманитарные исследования

Москва
2011

УДК 930.1
ББК 63
С12

Редактор серии WP6
«Гуманитарные исследования»
И.М. Савельева

C12 **Савельева, И. М.** Что случилось с «Историей и теорией?» : препринт WP6/2011/03 [Текст] / И. М. Савельева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – 44 с. – 150 экз.

В статье анализируются новые тенденции в теоретических основаниях исторической науки в наступившем столетии – теория истории. Объектом исследования является историческое знание в той его части, в которой формируются концептуальные подходы к изучению прошлой социальной реальности, определяющие сегодня профессиональные представления о «предмете и методе». Это, прежде всего, новые концепции, новые методы и способы изучения тех или иных явлений прошлого. В целом речь идет о теориях (собственно исторических, а также предлагаемых социальными учеными и используемых в исторической практике), философских идеях, развитии понятийного языка, использовании новых методов научного анализа для изучения конкретных исторических объектов, а также о создании новых междисциплинарных областей, обобщных заимствованиях и интервенциях.

Информационную основу исследования составляют исторические журналы, для которых характерен теоретический (методологический) уклон; ведущие исторические специализированные журналы, которые репрезентируют состояние дел в отдельных областях; социологические журналы, публикующие работы по исторической социологии и научные монографии за 1995–2011 гг.

УДК 930.1
ББК 63

Savelieva, Irina. What has happened with the “History and Theory?” : Working paper WP6/2011/03 [Text] / I. Savelieva ; National Research University “Higher School of Economics”. – Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2011. – 44 p. – 150 copies.

The article analyses new tendencies in the theoretical foundations of history as science in the incoming new century – the theory of history. The object of the research is the historical knowledge concerning conceptual approaches to the past social reality and the professional concepts about the “subject and method”. This is, first of all, new theories, new methods and the means of the examination of the past phenomena. In essence, this research is about the new social theories, philosophical ideas, development of the professional language, the use of new methods of scientific analysis in the research of concrete historical phenomena but also about the creation of interdisciplinary areas, mutual adoption and interventions.

The informational foundation of the research is based on the history journals which are characterised by the theoretical and methodological bias, the leading specialized history journals which demonstrate the state of affairs in various research areas, sociological journals publishing works in historical sociology and scientific monographs for 1995–2001.

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>.**

© Савельева И. М., 2011
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2011

В заголовке статьи использовано название известного теоретического журнала по истории “*History and Theory*”, издающегося с 1960 г. Wesleyan University совместно с Wiley-Blackwell Publishing¹. Но на самом деле в статье анализируются новые тенденции в теоретических основаниях исторической науки в наступившем столетии – теория истории. Объектом исследования является историческое знание в той его части, в которой формируются концептуальные подходы к изучению прошлой социальной реальности, определяющие сегодняшние профессиональные представления о «предмете и методе». Это, прежде всего, новые концепции, новые методы и способы изучения тех или иных явлений прошлого. Такой объект можно видеть максимально обобщенно, а можно и фрагментарно, исследуя различные его сегменты. В целом речь идет о теориях (собственно исторических, а также предлагаемых социальными учеными и используемых в исторической практике), философских идеях, развитии понятийного языка, использовании конкретных методов научного анализа применительно к отдельным подсистемам прошлой социальной реальности, а также о создании новых междисциплинарных областей, обоюдных заимствованиях и интервенциях.

Идея произвести ревизию методологических оснований историографии XXI в. родилась в контексте более общих размышлений о новых траекториях теоретических поисков в социальных и гуманитарных науках последних десятилетий². В социальных науках теории часто представляют собой «всенародное достояние», они принадлежат всем, кто

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Формирование дисциплинарного поля в социальных и гуманитарных науках в XIX–XXI вв.», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2011 г.

² Первым подступом к оценке новых тенденций в теоретической мысли отдельных современных социальных и гуманитарных наук (экономической теории, теоретической социологии, методологии истории и филологии) стала серия круглых столов и семинаров ИГИТИ НИУ ВШЭ, проведенная в 2010–2011 гг., в том числе и семинар по истории в феврале 2011 г., на котором был представлен и обсужден мой доклад «Что случилось с “Историей и теорией”?». Всем коллегам, принявшим участие в обсуждении, я выражаю искреннюю признательность за творческое соучастие. Материалы см.: <http://igiti.hse.ru/Meetings/Conferences>.

Отдельно хочу поблагодарить Е.А. Вишленкову за неоднократное чтение вариантов этого текста и обсуждение проблемы, точнее – *проблематизацию*.

работает в области социальной мысли, хотя прежде всего, конечно, своей дисциплине. Во второй половине XX в. – точнее в 1960–1980-х годах – практически все науки о человеке отличались не только постоянным появлением новых теорий, но и их быстрым проникновением в другие социальные дисциплины. В результате таких апроприаций возникали новые объекты исследования и междисциплинарные территории, объединенные как объектом, так и методом исследования³. Историческая наука много выиграла от этого процесса, и ее сегодняшнее состояние и содержание до сих пор во многом определяются выработанной в прошлом веке способностью к плодотворной рецепции теоретических новаций. Это мы видим. С гораздо меньшей четкостью просматривается роль новых (свежих) социальных теорий в современной исторической науке. Отчасти в связи с этим возникает вопрос и о статусе теории в историографии наступившего века.

Соответственно, анализ современного состояния теоретических аспектов исторического знания представляется интересной и практически не затронутой исследовательской проблемой, ибо в современной исторической литературе никакой дискуссии по этому поводу не наблюдается. Более того, и в других социальных и гуманитарных науках (экономике, социологии, психологии, филологии) не очень заметны исследования новейших тенденций в развитии их собственных теоретических оснований. Можно выдвинуть гипотезу, что после десятилетий бурного развития в прошлом веке социальное научное знание вышло на плато и продолжает осваивать накопленный теоретический багаж. Но подтверждение или опровержение такой гипотезы требует пристального прочтения и анализа очень большого массива литературы, прежде всего профессиональных специализированных журналов, но, конечно, и монографий, что позволит не только проверить гипотезу, но и оценить степень теоретического обновления исторического знания, определить, какие области исторической науки образуют сегодня методологический авангард.

Для определения теоретического фронта истории в XXI в. для нас, в сущности, важны последовательные ответы на два вопроса:

– Что историки могут объяснить сегодня из того, что они не могли объяснить 15 лет назад?

– Что из того нового, что они могут объяснить сегодня, основано на концепциях, теориях, подходах, возникших за последние 15 лет?

³ Савельева 2011. С. 491–515.

1. Что историки могли объяснить 15 лет назад

Анализ современного состояния исторического знания предполагает краткую характеристику предшествующего периода. В качестве такового кажется оправданным выбрать достаточно протяженный, но единый – 1960-е – начало 1990-х годов. Думаю, любой историк согласится, что это были «славные десятилетия» радикального обновления и методологического переоснащения исторической науки.

Характерными чертами этого обновления были междисциплинарность, возникновение огромного количества новых исторических субдисциплин, появление у историков нового (междисциплинарного) корпуса классиков, формирование конвенционального реестра известных историков, возвращение «большой исторической науки» к читателям, отчетливая методологическая рефлексия. Разные аспекты развития историографии во второй половине прошлого века обсуждались в большом количестве работ⁴.

Максимально коротко попробую охарактеризовать эти параметры.

Междисциплинарность

В исторических исследованиях второй половины XX в. активно использовались концепции и понятия, выработанные в теоретической экономике, социологии, политологии, культурной антропологии, психологии, лингвистике. При этом междисциплинарное взаимодействие в сочинениях по истории почти всегда происходило в форме соединения теории из неисторической дисциплины и исторических методов исследования. Начиная с 1960-х годов обновление историографии совершалось в высоком темпе и сложилась следующая модель взаимодействия: социальная дисциплина – соответствующая историческая субдисциплина – выбор теории – ее применение к историческому материалу⁵.

Надо сказать, что «стратегия присвоения» обнаружила немислимые прежде возможности для анализа исторического материала и оказалась

⁴ Напомню некоторые из самых известных: Faire de l'histoire 1974; La nouvelle histoire 1978; International Handbook of Historical Studies: Contemporary Research and Theory 1979; Wehler 1980; The New History: The 1980's and Beyond. Studies in Interdisciplinary History 1982; Novick 1988; New Perspectives on Historical Writing, 1991; Iggers 1997; Passés recomposés: Champs et chantiers de l'histoire 1995; L'Histoire et le métier d'historien en France 1945–1995 1995; Windschuttle 1996; Hobsbawm 1997; Pomian 1999; Tou 2000; Clark 2004.

⁵ Савельева, Полетаев 2005.

чрезвычайно плодотворной для развития исторического знания. В итоге достаточно тесного союза истории с социальными дисциплинами, который реализовали ведущие западные историки, в 1960-е годы экономическая и социальная истории завоевали передовые позиции в историографии, опираясь на экономические и социологические макротеории (экономических циклов, экономического роста, социальной стратификации, модернизации, символической власти, конфликта, миросистемный анализ) и структурный анализ.

Вслед за становлением экономической, социальной и демографической истории, ориентированных в то время на возможности применения математических и статистических методов, начинается использование историками достижений других социальных и гуманитарных наук. Одной из самых востребованных историками областей знания становится культурная антропология; на ее теориях и во многом методах строится историческая антропология, история ментальности, история повседневности и даже «новая» политическая история. Причем, если в 1960–1970-е годы историки брали на вооружение преимущественно макротеоретические подходы (экономические циклы, теории конфликта, модернизации, власти), то начиная с 1980-х годов они обращаются к микроанализу с привлечением соответствующих теоретических концепций (потребительской функции, ограниченной рациональности, сетевого взаимодействия и т.д.).

В результате в последней трети XX в. непрерывно создавались новые исторические субдисциплины. Наряду с привычными всеобщей, страновой, экономической, социальной, политической, культурной, военной, аграрной историей, историей международных отношений, мы сегодня имеем историю повседневности (включая множество разновидностей – от истории еды до истории запахов), рабочую историю, историю города, демографическую историю (и отдельно историю детства и историю старости), историю женщин и гендерную историю, экоисторию, психоисторию, историю ментальности и многое другое.

Корпус новой классики

Для каждого периода развития социально-гуманитарного знания существует некий набор авторов, из работ которых ученые-гуманитарии черпают идеи, методы, цитаты, в крайнем случае – просто ссылаются на имена. Это свидетельство и проявление междисциплинарного характера наук о человеке. Однако в историографии к концу прошлого века сложилась ситуация доминирования, условно говоря, «чужих» класси-

ков. Если роль больших философских теорий (жизненных циклов, прогресса, регресса, Эроса и Танатоса) в исторических построениях, к счастью, явно уменьшилась, то значение концепций и моделей, почерпнутых из практически всех социальных и гуманитарных наук в небывалой степени возросло, сведя почти на нет роль собственно исторических теорий.

В исторических исследованиях второй половины XX в. роль классиков обычно исполняли представители других социальных наук – социологии, культурной антропологии, социальной психологии и т.д.⁶ В исторической науке появляются такие теоретики, как экономисты Йозеф Шумпетер, Саймон Кузнец, Уолт Ростоу, Карл Полян, Даглас Норт; социологи Эмиль Дюркгейм, Макс Вебер, Толкотт Парсонс, Шмуэль Айзенштадт, Иммануэль Уоллерстайн, Пьер Бурдьё, да и по-новому прочитанный Карл Маркс. Ведущие антропологи (Клиффорд Гирц, Клод Леви-Строс, Арнольд ван Геннеп, Эдмунд Лич, Марсель Мосс, Маршал Салинз и др.) обеспечивают теоретическую базу исследований по исторической антропологии и истории ментальности. Такие же списки можно привести, если обратиться к лингвистике, психологии, *cultural studies*, философии. К тому же в последние десятилетия в историографии резко усилилась функция классики, которую социолог Артур Стинкомб именуется «разменной монетой»⁷ – когда интеллектуальные опознавательные знаки присутствуют в виде сносок на первых страницах работ. В тот же период сформировался круг признанных историков и список трудов, положивших начало новым субдисциплинарным направлениям.

В современной макросоциальной истории, представляющей теоретические конструкции прошлого громадных территориальных пространств или массовых социальных движений и насилия в истории, или социальных процессов исторической трансформации и кризисов, к основополагающим работам с полным правом можно отнести исследования Фернана Броделя, Питера Стирнза, Эрика Хобсбаума⁸. Точно так же обращение к микроанализу в социальной истории, связанное с возникшими в 1970-е годы сомнениями по поводу известных макроисторических моде-

⁶ Подробнее о роли классики в социальных науках и, в частности, в истории см.: Савельева, Полетаев 2010.

⁷ *Stinchcombe* 1982. P. 9.

⁸ См.: *Stearns* 1967; *Tilly* 1984; *Tilly et al.* 1975; *Хобсбаум* 1999; *Hobsbawm* 1994; *Бродель* 1992.

лей, четко маркировано работами основоположников – Джованни Леви, Карло Гинзбурга, Ханса Медика⁹.

Появление культурологической интерпретации повседневного поведения в 1970–1980-е годы было отмечено поистине культовыми историческими книгами – «Монтайю, окситанская деревня (1294–1324)» Эммануэля Ле Руа Ладюри, «Сыр и черви. Картина жизни одного мельника, жившего в XVI в.» Карло Гинзбурга, «Возвращение Мартена Герра» Натали Земон Дэвис¹⁰, – которые стали эталоном исследования повседневной жизни в контексте культуры прошлого. Начало исследованиям плебейской культуры, создаваемой и распространяющейся в народе, положили работы Питера Бёрка о народной культуре Европы начала Нового времени и Эдварда Томпсона о формировании рабочей культуры в Англии¹¹. В ряду основополагающих работ по истории детства – известная книга французского историка Филиппа Арьеса «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке»¹². У истоков психоистории стоит книга американского психоаналитика Эрика Эриксона «Молодой Лютер: психоаналитическое историческое исследование»¹³.

Одна из последних инициатив в классики произошла совсем недавно в области «исторической памяти». Я имею в виду известные исследования Пьера Нора (вышедшее под его редакцией многотомное издание «Места памяти») и книгу Яна Ассмана «Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности»¹⁴. Вся современная «индустрия производства исторической памяти» перерабатывает в меру сил и потребностей их фундаментальные работы.

Диверсификация предметного поля исторических исследований, тенденция к пересмотру эпистемологических принципов исторического знания не увели признанных историков от массовой аудитории, а, напротив, позволили приблизиться к ней. В историческом сообществе с конца 1970-х годов возрождается стремление сделать «главные» научные труды достоянием не только профессионалов, но и просто образованной читательской аудитории. Появилась новая волна исторических бестселлеров, соз-

⁹ Levi 1985; Гинзбург 2000; Medick 1996.

¹⁰ Ле Руа Ладюри 2001; Гинзбург 2000; [Земон] Дэвис 1990.

¹¹ Burke 1978; Thompson 1980.

¹² Арьес 1999.

¹³ Эриксон 1995.

¹⁴ *Les lieux de mémoire* 1984–1993; Ассман 2004.

данных историками, способными писать «историю как роман», не поступаясь при этом соблюдением дисциплинарных конвенций. Среди них Эммануэль Ле Руа Ладюри, Карло Гинзбург, Роберт Дарнтон, Натали Земон Дэвис, Роже Шартье и др.¹⁵ Эти авторы славятся своей сознательно беллетристической манерой, и надо сказать, что на долю такой исторической литературы выпал бесспорный издательский успех.

Методологическая рефлексия

В последние десятилетия прошлого века велись бурные дискуссии о характере исторического знания и появилось немало манифестов в защиту исторической науки, стимулом для которых служили как «историографические повороты», так и, несколько позднее, – явление постмодернизма. Никогда так активно, как на исходе прошлого века, историки не обсуждали проблемы методологии. В работах многих ведущих историков (Питера Бёрка, Поля Вейна, Карло Гинзбурга, Роберта Дарнтон, Натали Земон Дэвис, Жака Ле Гоффа, Юргена Кокки, Майкла Конфино, Майкла Оукшотта, Жака Ревеля, Лоуренса Стоуна, Чарльза Тилли, Роберта Фогеля, Франсуа Фюре, Эрика Хобсбаума, Роберта Элтона и др.) была предпринята попытка снова объяснить специфику предмета исторической науки, особенности исторического сознания и познания, а также четче обозначить нормы и конвенции, которыми руководствуются профессиональные историки.

Весь теоретический багаж, освоенный и преобразованной исторической наукой во второй половине прошлого века, ощутимо работает в поле современной историографии. Но нас интересуют новые вопросы и новые ответы, получаемые с помощью *новых* теорий и моделей исследования.

2. История и теория в XXI в.

Изучение state of art я начала с просмотра журнала “*History and Theory*”, который для меня на протяжении многих десятилетий был главным ориентиром в сферах «теории истории». Казалось, что наименования тема-

¹⁵ Ле Руа Ладюри 2001; Гинзбург 2000; Дарнтон 2002; [Земон] Дэвис 1990; [Земон] Дэвис 1999; Шартье 2001.

тических номеров, проблематика статей позволят быстро расставить маркеры на поле теоретических поисков, укажут на новые области исследования, обозначат возникающие междисциплинарные перекрестки. Но скорее журнал “*History and Theory*” указал на начавшуюся в 1990-е годы смену тематических приоритетов и даже на размывание границ между научной и не вполне научной историей.

Содержание этого журнала достаточно ощутимо изменяется с середины 1990-х годов, что, впрочем, мало проявляется в названиях тематических выпусков (1995–2009 гг.).

Названия тематических выпусков “*History and Theory*”¹⁶ и годы издания (в обратном порядке) с 2010 до 1994 г.:

<i>Theme Issue 49:</i>	History and Theory: <i>The Next Fifty Years</i>
<i>Theme Issue 48:</i>	Photography and Historical Interpretation
<i>Theme Issue 47:</i>	Historical Representation and Historical Truth
<i>Theme Issue 46:</i>	Revision and History
<i>Theme Issue 45:</i>	Religion and History
<i>Theme Issue 44:</i>	Theorizing Empire
<i>Theme Issue 43:</i>	Historians and Ethics
<i>Theme Issue 42:</i>	Environment and History
<i>Theme Issue 41:</i>	Unconventional History
<i>Theme Issue 40:</i>	Agency after Postmodernism
<i>Theme Issue 39:</i>	“Not Telling”: Secrecy, Lies, and History
<i>Theme Issue 38:</i>	The Return of Science: Evolutionary Ideas and History
<i>Theme Issue 37:</i>	Danto and His Critics: Art History, Historiography, and After the End of Art
<i>Theme Issue 36:</i>	Producing the Past: Making Histories Inside and Outside the Academy
<i>Theme Issue 35:</i>	Chinese Historiography in Comparative Perspective
<i>Theme Issue 34:</i>	World Historians and Their Critics
<i>Theme Issue 33:</i>	Proof and Persuasion in History

¹⁶ <http://www.wesleyan.edu/histjrnl/themeissues.html>.

Практически все названия тематических выпусков «по градусу концептуальности» не уступают прежним, но отличия легко уловимы по постановке проблем в отдельных статьях. Кроме того, поражает изобилие статей о кино, опере, фотографии, сериалах, исторической памяти, «неконвенциональной истории» и прочих сюжетах, типичных для «культурных» исследований.

При этом «декларация о намерениях» не изменилась, журнал по-прежнему позиционирует себя как издание, которое

«... прокладывает пути в исследовании природы истории. Известные мыслители мира делятся своими размышлениями в следующих областях: критическая философия истории, спекулятивная философия истории, историография, история историографии, методология истории, критическая теория, время и культура. Дисциплины, имеющие к этому отношение, также освещаются на страницах журнала, включая взаимодействия между историей и естественными и социальными науками, гуманитаристикой и психологией»¹⁷.

Последовавшее затем более внимательное изучение содержания журнала за последние 15 лет определило модус размышлений и эмоциональный фон для них – с оттенком нерадостного удивления. Тут-то и возник первый вопрос: показывает ли журнал «среднюю температуру по больнице» или все-таки именно с этим журналом что-то произошло? Основания для того, чтобы не генерализировать ситуацию, конечно, были. Одно из самых очевидных состояло в том, что приглашенным редактором многих номеров журнала в прошлые годы был известный философ истории Франк Анкерсмит, который занимал отчетливо постмодернистскую позицию со всеми сопутствующими ей постулатами (отрицанием соотнесенности исторического познания с реальностью, абсолютизацией метафорического характера исторического письма и т.д.)¹⁸.

Конечно, на протяжении 15 лет журнал менялся, и в итоге сегодня можно сказать, что в самые последние годы наметился сдвиг в сторону

¹⁷ См.: Overview. Aims and Scope: *History and Theory*. Keywords: history, theory, philosophy, critical, criticism, historiography, methodology, theory, time, culture, humanities, psychology, social, sciences, cultural, research, analysis ([http://onlinelibrary.wiley.com/journal/10.1111/\(ISSN\)1468-2303/homepage/ProductInformation.html](http://onlinelibrary.wiley.com/journal/10.1111/(ISSN)1468-2303/homepage/ProductInformation.html)).

¹⁸ Надо отметить, что в последние годы Франк Анкерсмит отказался от последовательного постмодернизма и находится в поисках «третьей постпостмодернистской стадии». См.: *Ankersmit* 2006. P. 121.

сциентизма и реализма. Содержание номера, изданного в 2010 г. к пятидесятилетию журнала и посвященного темам будущего, кажется, показывает такую перспективу¹⁹.

О том же в какой-то мере свидетельствует и список статей из “*History and Theory*”, которые пользуются наибольшим читательским спросом (Top highlights), за 2008–2009 гг. Половина текстов из этого перечня представляет собой или статьи о роли научных подходов к истории, или программные рецензии ведущих историков на серьезные теоретические работы.

Top highlights 2008–2009

Runia, Eelco. Burying the Dead, Creating the Past.

Iggers, George. A Search for a Post-Postmodern Theory of History (рецензия на книгу под редакцией Йорна Рюзена “Meaning and Representation in History”. Ed. by Jörn Rüsen).

Jay, Martin. Faith-Based History (рецензия на книгу Чарльза Тэйлора. Charles Taylor “A Secular Age”).

Carr, David. Narrative Explanation and its Malcontents.

Spiegel, Gabriel M. Revising The Past / Revisiting the Present: How Change Happens in Historiography.

Classen, Christoph and Kansteiner, Wulf. Truth and Authenticity in Contemporary Historical Culture: An Introduction to Historical Representation and Historical Truth.

Printy, Michael. Skinner and Pocock in Context: Early Modern Political Thought Today (рецензия на книги о современной политической мысли: “Rethinking the Foundations of Modern Political Thought”. Ed. by Annabel Brett and James Tully, with Holly Hamilton-Bleakley и “The Political Imagination in History: Essays Concerning J. G. A. Pocock”. Ed. by D. N. DeLuna and assisted by Perry Anderson and Glenn Burgess).

Bevernage, Berber. Time, Presence, and Historical Injustice.

Werner, Michael, Zimmermann, Dicte. Beyond Comparison: Histoire Croisée and The Challenge of Reflexivity.

Dietze, Carola. Toward a History on Equal Terms: A Discussion of Provincializing Europe (рецензия на книгу Дипеша Чакрабарти. Dipesh Chakrabarty. “Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference”).

¹⁹ History and Theory: *The Next Fifty Years*. December 2010. Vol. 49. Issue 4.

В список из 10 работ попала, например, рецензия Джорджа Иггера «В поисках постпостмодернистской теории истории»²⁰. Интересно, что речь (и не только в данном случае) идет о высокой востребованности всего-то рецензии всего-то на книгу, в которой говорится всего-то об исчерпанности не только модернистского, но и постмодернистского периода в исторической науке и о потребности в новой «теории истории». Правда, книга, о которой идет речь, “Meaning and Representation in History”²¹, составлена очень известным историком-теоретиком Йорном Рюеном, а наряду с его собственной статьей там помещены работы именитых Франка Анкерсмита и Дэвида Карра. Да и автор рецензии не менее известен. И все-таки резонно предположить, что читателей более всего привлекает тема, предлагающая новые подходы к истории или по меньшей мере – новые размышления о них, возникшие у Иггера на основании чтения коллективной монографии.

Статья известного философа истории Дэвида Карра «Нарративное объяснение и его противники»²², помещенная под рубрикой *Форум: Историческое объяснение*, написана в защиту нарратива как формы исторического исследования. Последовательно рассмотрев доводы противников нарративного объяснения, которые звучали из стана школы Анналов (Фернан Бродель, Эммануэль Ле Руа Ладюри), и шире – представителей разных направлений «новой научной истории» – а затем из лагеря постмодернистов (Хейден Уайт, Поль Рикёр), Карр приходит к вполне ожидаемой в его устах реабилитации «рассказывания историй». Нарратив, по его словам, строится по правилам, по которым происходят сами действия: «Именно благодаря сходству структуры действия, производимого человеком, и структуры нарратива мы обычно можем объяснить действие, рассказывая о нем историю»²³.

Рецензия Майкла Принти «Скиннер и Поккок: Политическая мысль раннего Нового времени в наши дни»²⁴ на книги о политической теории в традиции Дж. Поккока и Квентина Скиннера возвращает к вершинам историко-политической мысли XX в. А статья Гэбриэл Спигел, как и выпуск, в котором она публикуется, посвящена важной проблеме механизма

²⁰ Iggers 2009.

²¹ Meaning and Representation in History. 2006.

²² Carr 2008.

²³ Spiegel 2007.

²⁴ Printy 2009.

непрерывной ревизии в исторической дисциплине²⁵. В качестве стартовой автором избрана идея Мишеля де Серто о том, что ревизия является необходимой предпосылкой исторического исследования, поскольку сама дистанция между прошлым и настоящим требует постоянных инноваций, чтобы производить объекты исторического знания, которые не существуют, пока историк не укажет на них. Автор анализирует возможные психологические, социальные и профессиональные причины смены интерпретаций на примере лингвистического поворота в историографии.

Замечу, что все упомянутые статьи из топ-листа написаны представителями «старой гвардии», осмысливающими очередные этапы эволюции дисциплины с позиций теории. Однако в этом списке есть и другая половина, к чему мы вскоре подойдем.

В предисловии к серии «Making Sense of History» ее ответственный редактор Йорн Рюзен пишет, что в то самое время как многие теоретики провозгласили, что история как академическая дисциплина приблизилась к своему концу, «исторические предметы» обсуждения (“historical matters”) – народная память, телевизионные и голливудские истории, публичные и политические дискуссии о прошлом – «кажется, с остервенением занимают ее место». В связи с этой констатацией он ставит следующий вопрос:

«представляет ли академическая дисциплина “история”, какой она сложилась в западных университетах на протяжении последних двухсот лет специфический способ или тип исторического размышления, который можно отличить и отграничить от других форм и практик исторического сознания»²⁶,

и призывает к «новой теоретической рефлексии».

Эта грань между академической (научной) историей и другими формами исторического знания на самом деле достаточно концептуализирована²⁷, но почему-то непрерывно стирается даже на страницах солидных академических журналов.

Пример тому – тематический номер “*History and Theory*” «Истина и аутентичность в современной исторической культуре»²⁸. Даже введение

²⁵ Spiegel 2007.

²⁶ Western Historical Thinking: An Intercultural Debate. 2002. Pp. vii, ix.

²⁷ Савельева, Полетаев 2003–2006; Феномен прошлого 2005.

²⁸ Classen, Kansteiner 2009.

к выпуску, написанное Кристофом Классеном и Вульфом Канштайнером, попало в Top Highlights. Ключевые слова – аутентичность, историческое сознание, историческая культура, Холокост, реализм, дигитальные медиа, травматическая память – дают надежду на то, что в выпуске мы найдем «новую теоретическую рефлексию». Авторы тома анализируют центральную для исторической науки проблему «исторической истины» (в данном случае в контексте формирования массовых исторических знаний). В поле зрения оказываются шесть разных типов исторической репрезентации, которые играют важную роль в современной исторической культуре: исторический роман, историография, фотография, художественные фильмы, видеоигры и музейные экспозиции. Каждое эссе сфокусировано на историческом событии, которое служило пробным камнем в теоретических дискуссиях об историографии, исторической культуре и этике исторической репрезентации. Пять эссе посвящены темам Второй мировой войны и Холокоста²⁹, и одно – истории рабства и его наследия в США.

В числе «репрезентирующих текстов»: роман «Бойня № 5» Курта Воннегута³⁰, фильм «Список Шиндлера» Стивена Спилберга³¹, современные видеоигры и пр. Выбор не вызывает возражений. Удивление вызывает вывод, в котором все эти формы знания уравниваются не по степени их влияния на массового читателя, а по критерию *исторической истинности*.

«С одной стороны, они (статьи. – *И. С.*) показывают нам, как работают отдельные тексты или визуальные репрезентации и как “ловкость рук” позволяет производить эффект реальности в разных культурных декорациях. С другой стороны, они знаменуют торжество текста и его создателя, оказавшего влияние на историческое сознание многих потребителей, включая самих авторов. В результате авторы тома вовсе не предлагают элегантных деконструкций исторических репрезентаций, созданных якобы теоретически наивными историками и другими практикующими в истории. Напротив, эссе (в оригинале *essays*, что само по себе значимо. – *И. С.*) представляют собой поисковые, свободные, отмеченные саморефлексией диалоги о проблемах исторической истины, основанные на бла-

²⁹ Kansteiner 2009; Keilbach 2009.

³⁰ Rigney 2009.

³¹ Classen 2009.

гожелательном пристальном прочтении широкого круга артефактов культуры»³².

Или другая статья из того же списка, написанная Элко Руни, в которой автор упрекает профессиональных историков в том, что, изучая такие болезненные сюжеты, как «память» и «травма» в «позитивистском» ключе, они уже одним этим фактом разоблачают свою «неискренность». В результате, по словам Руни, «тему коммеморации можно встретить повсюду, но к ней никогда не относятся с должной серьезностью»³³.

Еще раз напомню, что речь идет об одном из самых теоретических журналов по философии и методологии истории, а не об издании вроде *Common Knowledge*³⁴.

Итоги просмотра “*History and Theory*” побудили обратиться к другим историческим журналам, для которых характерен теоретический (методологический) уклон, среди них: *Historical Method*, *History Today*, *Journal of Modern History*, *Rethinking History*, *American Historical Review*, наконец, *History Workshop Journal*, который, согласно самопрезентации, с момента своего основания в 1976 г. стал

«одним из ведущих исторических журналов в мире. Его передовой научный уровень, доступность изложения и живая озабоченность современными проблемами продолжают обеспечивать ему широкое признание как академического, так и рядового читателя»³⁵.

Конечно, это было не сплошное прочтение, а просмотр «наметанным глазом». В целом такой просмотр показал, что безусловно нельзя говорить о тотальном исчезновении из научной исторической периодики теоретической составляющей. Встречается довольно много работ о теориях национализма, теориях империй, гендерном подходе. Есть статьи о роли

³² *Classen, Kansteiner* 2009. P. 1.

³³ *Runia* 2007.

³⁴ Издатель — Duke University Press: «Миссия *Common Knowledge* одновременно невероятно амбициозна и шокирующе проста: проложить линии коммуникации между академией и сообществом мыслящих людей за ее стенами. *Common Knowledge* был создан для того, чтобы сформировать новую интеллектуальную модель, которая основана на обсуждении и кооперации, а не на метафорах, заимствованных из словаря спорта или войны... На страницах *Common Knowledge* безусловно будут оспорены те способы, с помощью которых мы думаем о теории и ее отношении к человечности».

³⁵ *Change and Continuity // History Workshop*. Spring 1995. P. iii–iv.

агенту в исторических исследованиях, компаративистике и ее субститутах, каузальном плюрализме в изучении прошлого, использовании исторической лингвистики, о конце марксистской историографии, об историческом ревизионизме. Встречаются выпуски и отдельные статьи, предлагающие концептуальное переосмысление хорошо изученных исторических феноменов, например, Английской или Французской революции и т.д.

Но, к сожалению, на страницах практически всех упомянутых академических журналов очень заметен крен к стратегии «живой озабоченности».

Просмотр полнотекстовых баз книг по истории за последние полтора десятилетия (издательства Sage, Springer, Oxford University Press, Cambridge University Press, Routledge, Yale University Press, California University Press, Princeton University Press и др.) с целью обнаружить новые труды по теории/методологии истории (в широком смысле), конечно, дал более многомерную картину, но не изменил ее радикально. Можно уверенно сказать, что методологического обновления истории, сколько-нибудь *сопоставимого* даже с любым из десятилетий второй половины XX в., в наступившем столетии не происходило – ни на уровне внедрения новых «сильных» концепций, ни на уровне междисциплинарного взаимодействия, ни в области появления новых объектов, ни в сфере теоретической рефлексии.

Если же обратиться к конкретным направлениям, из сложившихся ранее, можно увидеть, что продолжается экспансия культурной истории (в том числе очень энергично ведутся разнообразные визуальные исследования), активно развиваются микроистория, локальная история, историческая антропология, история массовых представлений и «исторической памяти», гендерная и женская тематика. Заметно изменилась история науки и образования. В целом историки за последние годы узнали много нового, радикально переосмыслили уже известную информацию – масштаб сделанного поражает. Однако в этих областях не произошли заметные *теоретические* подвижки, историки опираются на аналитические процедуры и методы, освоенные и «присвоенные» ими в прошлом веке.

Конечно, на фронт исторических исследований действуют экзогенные факторы. Социальные проблемы современного общества – постсоциализм, глобализм, неокOLONиализм, новый миропорядок, религиозная мобилизация, новый характер миграции и маргинальности, массовая куль-

тура – ставят задачи научного анализа связанных с ними явлений и процессов (демократии, империи, transition, цивилизации, культуры, идентичности, гендера, массовых представлений), в том числе и перед историками.

Мне кажется, что и в целом развитие современной историографии в последние полтора десятилетия намного заметнее определяется «социальным заказом», чем в период первых «поворотов». Об этом говорит и распространение «публичной истории» и авторитетность фигуры публичного историка³⁶. Хотя вопрос о степени влияния социального заказа на трансформации исторической науки непрост: достаточно вспомнить, что в «новой социальной истории», утвердившейся на фоне событий 1968 г., в центре внимания были социальные движения, революции и другие формы протеста. (Правда, тогда «публичные историки» и помыслить не могли о вытеснении академических, зато «левые» успешно теснили «правых».)

В то же время состояние историографии зависит и от факторов эндогенных, связанных с развитием социальных и гуманитарных наук. Очередные «повороты» происходят, и они порождают новые междисциплинарные поля. Сегодня в социальных науках активно задействованы такие дисциплины, как география, экология, биология, нейрология, антропология. Взаимодействие с этими науками образует не существовавшие ранее междисциплинарные союзы и «повороты», среди которых пространственный поворот³⁷, эволюционная экономика³⁸, моральная география³⁹, социобиология (биологический или когнитивный поворот)⁴⁰.

Заметное внимание социальных наук к биологии связано с идеей, что раз человек признан биосоциальным существом, то его биологическая природа должна приниматься во внимание и исследоваться представителями наук о человеке с тем же тщанием, что и социальная, а кроме того сегодня очень востребована и развивается неodarвинистская эволюционная теория⁴¹. В отдельных исторических работах, посвященных теоретическим или философским основам исторического познания, можно

³⁶ О распространении публичной истории в разных странах см. специальный выпуск журнала *The Public Historian*. Santa Barbara: Summer 2010. Vol. 32. Issue 3.

³⁷ Baker 2003; Cañizares-Esguerra 2002.

³⁸ См., например: Witt 2003; Witt 2008; Frontiers of Evolutionary Economics 2001.

³⁹ Cresswell 1996; Livingstone 1992; Sibley 1995.

⁴⁰ Boyd, Richerson 1985; Boyd, Richerson 2005a; Boyd Richerson 2005b; Smail 2008.

⁴¹ См.: The Return of Science: Evolution, History, and Theory 2002; Fracchia, Lewontin 1999 и последующую дискуссию в *History and Theory* Vol. 44. Issue 1 (February 2005): Runciman 2005; Fracchia, Lewontin 2005; Runciman 2005.

обнаружить осведомленность в происходящем. Социобиологии и эволюции был посвящен и выпуск “*History and Theory*”⁴². Однако мы находим трезвую оценку неготовности историков последовать примеру коллег по социальным наукам.

Из всех перечисленных трансформаций, происходящих сегодня на поле социальных дисциплин, наиболее актуальной для истории оказалась «специализация» социальных наук⁴³. Переосмысление фактора пространства объясняется тем, что в современной историографии новации локализуются прежде всего в области глобальной истории, пост/неоколониальных исторических исследований, истории империй, субстанциональной философии истории (в той ее части, которая связана с проблематикой глобализма)⁴⁴. Вместо компаративной истории все активнее предлагается «переплетенная» история (*entangled history*)⁴⁵. В целом всемирная история в самых разных вариантах вышла на лидирующее место в исторических публикациях, особенно журнальных. Таким образом, влияние новых интерпретаций социального пространства на историческую науку проявилось прежде всего в трансформации дисциплины, которую со времен Полибия называли всеобщей или всемирной историей. «Весь мир» – старейший предмет размышлений историка – оказался одним из самых востребованных и радикально ре- и деконструированных объектов в современной историографии.

3. Пространственный поворот и глобальная история

В последней трети XX в. всемирная история не фигурировала в списке «новых научных» (оснащенных передовыми социальными теориями) исторических субдисциплин и все еще скрывалась в тени универсалистских концепций, разработанных в философии истории и макросоциологии. В основе всемирной истории лежали идеи универсальности, линей-

⁴² См: *History and Theory*. Theme Issue 1999. Vol. 38, и последующую дискуссию в: *History and Theory*. February 2005. Vol. 44. Issue 1.

⁴³ О специализации социальных наук см.: *Gieryn* 2000; *The Spatial Turn: Interdisciplinary Perspectives* 2009; *Löw* 2001; *Massey* 2005; *Murdoch* 2006, *Филиппов* 2008.

⁴⁴ *Crossley* 2008; *Cowen* 2001; *Gentlemanly Capitalism, Imperialism and Global History* 2002; *Reynolds* 2000; *Bulliet et al.* 2008; *The Global History Reader* 2005; *Mazlish* 2006; *Bentley et al.* 2003; См. также: *Journal of Global History*. 2006–2010.

⁴⁵ *Cohen, O'Connor Maura* 2004; *Kocka* 2003; *Werner, Zimmermann* 2006.

ности, цикличности, стадиальности, прогресса и т.д. (Освальд Шпенглер, Арнольд Тойнби, Герберт Уэллс, Питирим Сорокин, Филмер Нортроп, Карл Ясперс, Альфред Крёбер, Эрих Фёгелин и др.). В последние десятилетия XX в. активно использовались также макросоциологические концепции, предлагающие различные модели перехода от традиционного общества к модерному. Хотя с конца 1960-х годов появляется, условно говоря, «новая научная» всемирная история⁴⁶, очень немногие историки, среди них Уильям Макнил и Лефтен Ставрианос⁴⁷, писали всеобщую историю действительно по-иному.

На исходе XX и в XXI в. «всеобщая история» в значительной своей части радикально преобразуется. В ее границах, на фоне сохраняющейся традиции, утвердились новые – более заметные – направления, которые являются следствием критической и постмодернистской революций в философии (постколониальная критика⁴⁸, прежде всего) и опираются на ряд концепций и подходов, разработанных в ходе антропологического, лингвистического и культурного поворотов.

Это, во-первых, глобальная и транснациональная истории, предлагающие способы конструирования универсального неевропоцентричного мира. Во-вторых, мировая история, которая возникла в ходе переосмысления сравнительной истории цивилизаций, в результате чего в фокусе изучения оказались процессы взаимодействия миросистем и локальных цивилизаций. В-третьих, интернациональная история, изучающая историю формирования и развития различных международных сообществ. С необходимыми оговорками сюда можно отнести методологически переоснащенные историю империй⁴⁹ и историю наций.

Победоносное шествие всемирной истории во всех ее изводах является не только несомненной реакцией на мощный социальный заказ, предъявляемый разными общественными группами, включая представителей самого «постколониального мира» (от наций и этносов до носителей современных и постмодерных идеологий), но и результатом познавательных процессов, пробуждающих исследовательский интерес. Это и заставляет присмотреться внимательнее к тому, что на самом деле пред-

⁴⁶ Активизацию представителей именно этого направления отражало и создание в рамках Американской исторической ассоциации (American Historical Association – АНА) в 1982 г. Ассоциации всемирной истории (World History Association – WHA).

⁴⁷ McNeill 1964; Stavrianos 1989.

⁴⁸ Gilbert, Tompkins 1996.

⁴⁹ См.: тематический выпуск *History and Theory*. Oct 2005. Vol. 44. Issue 4.

ставляет собой «историческая глобалистика», насколько она теоретична и в чем методологическая новизна «пространственного поворота» в историографии.

Одна из главных функций географического пространства в историческом исследовании состоит в том, что оно служит способом задать рамки предмету истории, то есть очертить границы социальных взаимодействий в прошлой социальной реальности и тем самым трансформироваться в пространство историческое. При этом историк может исходить из своего видения пространства, может говорить о пространстве, сконструированном участниками социального взаимодействия, а может изучать сам процесс конструирования пространственных образований в тот или иной период прошлого.

Во всех случаях, когда выделенная историком территория не осознавалась как единая в той социальной реальности, которая является предметом его исследования, мы имеем дело с историческим пространством, заданным «извне», то есть сконструированным *наблюдающим* независимо от представлений исторических акторов.

Радикальное переосмысление исторического пространства осуществил в своих эпохальных трудах Фернан Бродель, который предложил рассматривать как целостные образования исторические ареалы, жизнь которых определялась единой геодемографической средой, независимо от границ политических образований⁵⁰. Тем самым было положено начало обширной истории внесударственного пространства.

Несколько позднее исследователи обнаружили еще один ресурс и сконцентрировались на изучении того, что люди *думали* о своем и чужом пространстве, как они *видели* те или иные географические ареалы, как конструировали территориальные целостности и какими смыслами их наделяли. К подобным исследованиям исторического пространства относятся работы по истории формирования геоисторических (геополитических) конструктов, таких, например, как «Индия», «Восточная Европа», «Балканы», «Кавказ», «Дикий Запад» и др. С историческим пространством в подобной интерпретации связано формирование символического универсума системы культуры: мистические компоненты традиции, приметы «малой родины», дизайн места обитания и базовые основы национальной идентичности. К этому же типу следует отнести и работы по культурной антропологии, в которых анализируется категория «простран-

⁵⁰ Бродель 2003; Бродель 1992.

ство», и исследования истории «ментальных карт» с такими популярными на рубеже веков концептами, как «пограничье», «граница», «зона контакта», «срединность», «ориентализм» (и другие «измы», образованные по аналогии)⁵¹.

Применительно к сегодняшней исторической науке речь идет о новой стадии аналитической рефлексии, главная задача которой состоит в создании принципиально иного глобального (транснационального) пространства, сегментированного, дисперсного, а главное – не (европо)центрированного.

В исследованиях, которые сегодня, хотя и с большими оговорками, но все же можно объединить под рубрикой «всемирная история», происходит радикальная реисторизация образов Африки, Азии и Латинской Америки, провинциализация «Европы»⁵², деструкция таких обобщенных понятий, как «третий мир», «периферия», «Запад» или «Восток». Категории «Евразия», «Латинская Америка», «Тихоокеанский регион», «Атлантический мир» (но не в броделианском смысле) начинают преобладать над концептами, связанными с «временем по Гринвичу» и «миром Запада». Одновременно появляется большое количество отдельных историко-территориальных объектов, существование которых в прошлом и настоящем человечества «открывается» или переоткрывается. Предметом изучения становятся актуальные для современного мира, но новые для историков аспекты прошлого: миграции, феномены полиязыковости и поликультурности, разнообразные транскультурные процессы, «мир во фрагментах». Попутно осуществляется и деконструкция прежнего компендиума национальных мифов.

Воспользовавшись выражением М.В. Глостановой, охарактеризовавшей глобализацию как «глобальный исход третьего мира в первый»⁵³, заметим, что аналогичный «исход» отслеживается и в социальной мысли, и в ориентированных на глобалистику исторических работах.

Сама по себе глобалистика, дисциплина, под зонтиком которой расположились мировая, глобальная, транснациональная и пр. истории –

⁵¹ Шенк 2001.

⁵² Chakrabarty 2000; Dirks 2001. Дискуссию о книге см. в специальном выпуске *Форум: History and Theory: Provincializing Europe* // *History and Theory*. February 2008. Vol. 47. Issue 1. В уже упоминавшуюся десятку самых читаемых статей вошла статья Dietze 2008.

⁵³ Глостанова 2003.

междисциплинарное направление. При этом ярлыки «глобальная», «мировая», «межнациональная» истории, равно как и их аналитический багаж, то противопоставляются друг другу, то воспринимаются в тандеме⁵⁴. Термин «глобальная история» более популярен среди философов и социологов, «в то время как большинство историков отдает предпочтение понятиям “всеобщей” или “всемирной” истории»⁵⁵.

Идейной, и во многом идеологической, базой самых заметных новых направлений всемирной истории является «постколониальная критика». Замечу, однако, что постколониальная критика, предложившая коренную реконструкцию образа мировой истории, включая разрушение границ между всеобщей историей, востоковедением и этнографией, – не такая уж новация. Она тоже из прошлого века. Ее признанные гуру (социальный философ, один из теоретиков и идейных вдохновителей движения новых левых, Франц Фанон, философ Леопольдо Сеа [Zea], литературный критик и теоретик Эдвард В. Саид) создали свои основополагающие труды в *середине* 1900-х годов⁵⁶. В 2000-е годы книги писали уже о них.

А главное, остается важный вопрос, сформулированный И.Н. Ионовым: «Что такое глобализация – реальность или идеологема, что такое глобалистика или постколониальная критика – научное направление или форма манипуляции общественным сознанием?»⁵⁷.

Поэтому в контексте нашей темы обращение к глобальной истории оправдывает скорее то обстоятельство, что работы по *истории*, написанные в этой парадигме, становятся заметным явлением действительно в XXI в.

Что касается новых сильных теорий, пополнивших инструментарий историков или разработанных ими самими, то, на мой взгляд, философские стимулы в виде постколониальной критики сильно ограничили нужду в них. Как пишет Энн Столер: “Colonial talk is now everywhere. Race

⁵⁴ *Репина* 2009. С. 31. См., в частности: *Kossock* 1993; *Geyer, Bright* 1995; *Mazlish* 1998; *Internationale Geschichte. Themen – Ergebnisse – Aussichten* 2000; *Across Cultural Borders. Historiography in a Global Perspective* 2002; *Writing World History 1800–2000*, 2003; *Manning* 2003; *Bayly* 2004; *Palgrave Advances in World Histories* 2005; *Hughes-Warrington* 2006; *O’Brien* 2006; *Sachsenmaier* 2007.

⁵⁵ *Ионов* 2003. См., например: *Globalisation in World 2002; Rethinking American History in a Global Age* 2002; *Das Kaiserreich transnational. Deutschland in der Welt 1871–1914* 2004; *World Civilizations: The Global Experience. 2000–2003; Stearns* 2003; *Traditions and Encounters. A Global Perspective on the Past* 2003; *Osterhammel, Petersson* 2003.

⁵⁶ *Fanon* 1967; *Fanon* 1963; *Fanon* 1969; *Cea* 1984; *Caud* 2006; *Culture and Resistance: Conversations With Edward W. Said* 2003.

⁵⁷ *Ионов*. С. 6.

talk is as well»⁵⁸. Такими же словами совсем недавно говорили о глобалистике. Но нас в данном случае интересуют не популярность разговоров, пусть даже они и называются дискурсами, а теоретические новации.

Используя модель поворотов, все направления исторической глобалистики можно было бы объединить под условным названием «новой всемирной истории», но это в значительной мере будет «поворот второго порядка», так как, повторяюсь, в их концептуальный аппарат инкорпорирован багаж антропологического, лингвистического и культурного поворотов, хотя, безусловно, все варианты «новой всеобщей истории» представляют собой союзы истории с разными дисциплинами.

Прежде всего, это «история с географией»⁵⁹, новые теоретические проблемы которой (специализация социальной мысли, проблемы «концептуальной географии», «моральной географии») активно обсуждаются в современной исторической литературе⁶⁰.

В теоретической области глобальная история исследовала ряд важных проблем, связанных с самоидентификацией субъекта, определением его статуса («субалтерн»), а также с понятиями «модерность», «гибридность», «метисизация», «расизация», «лиминальность». Из социологии заимствуются и разрабатываются на историческом материале такие концепты, как структуры власти, социальные иерархии, идентичность, вообразимые сообщества; из культурной антропологии – понятие Другого. И достаточно посмотреть на приведенный чуть ниже список имен идейных вдохновителей глобальной истории, чтобы понять, что особым спросом пользуется «новый литературный критицизм», позволяющий производить самые разнообразные колониальные дискурсы.

Политические науки с их хорошо разработанным для исследования межнациональных, межэтнических, институциональных отношений аппаратом представлены в гораздо меньшей степени. За исключением «новой истории империй», речь о которой надо вести отдельно⁶¹.

Попутно замечу, что в глобальной истории эксплицитно выражен моральный аспект современного политкорректного и мультикультурного сознания. Как пишет один из наиболее исторически мыслящих совре-

⁵⁸ Stoler 2009. P. 25. Сознательно не перевожу с английского.

⁵⁹ Baker 2003; Canizares-Esguerra 2002; Casey 2005; Coleman, Agnew 2007; Ethington 2007.

⁶⁰ Wigen 2006; Horden, Purcell 2006; Alison 2006; Matsuda 2006.

⁶¹ Анализом состояния этой области исследований последовательно занимается группа историков, объединившихся вокруг журнала *Ab Imperio*.

менных антропологов Джек Гуди, западные историки, обращаясь к прошлому тех, кто находится за пределами Запада (географически или даже хронологически), получают возможность отмежеваться от участия в акте «кражи», которая, по словам Гуди, состояла в том, что «цивилизация, демократия, наука, капитализм, любовь, ядерная семья и многие другие ценности и институты, на изобретение которых могут претендовать другие культуры, репрезентировались как западные по происхождению»⁶².

Как и все другие исторические субдисциплины, направление уже обзавелось своим корпусом классиков, входящих, впрочем, в общий пул гуманитарных наук второй половины *прошлого* века. Новых авторитетных имен пока немного (среди них, например, очень разные, но влиятельные – Дипеш Чакрабартти⁶³ и Юрген Остерхаммель⁶⁴), но зато в изобилии старые имена: Бенедикт Андерсен, Билл Ашкрофт, Роджерс Брубейкер, Жак Деррида, Юлия Кристева, Фредерик Купер, Эдвард Саид, Франц Фанон, Мишель Фуко, Эрнест Геллнер. Отдельно назову известнейшего историка-универсалиста Джерри Бентли⁶⁵, получившего признание в 1970–1980-е годы XX в. За ним традиция, не соотносимая с постколониальной критикой, предлагающая другой взгляд на познавательное значение всемирной истории:

«Всемирная история обеспечивает наиболее плодотворные контексты для реализации многих исторических задач. Историческое развитие и исторические процессы разворачиваются в самых разных регистрах: бесспорно – местных, региональных, государственных, но также и трансрегиональных, континентальных; относящихся к западному и восточному полушариям, океанических и глобальных. Всемирная история, лучше чем другие подходы к прошлому, способна помещать историческое развитие и исторические процессы в более широкие контексты, соотносимые с ними, что дает возможность историкам конструировать смыслы из несметного числа битов и осколков информации, составляющих опыт прошлого»⁶⁶.

Итак, оперируя критериями, предложенными для характеристики теоретического обновления исторической науки (междисциплинарность,

⁶² Goody 2006. Цит. по: Smail 2008. P. 61.

⁶³ Chakrabarty 2000; Chakrabarty 1998.

⁶⁴ Osterhammel 2000; Osterhammel 2005; Osterhammel, Petersson 2005.

⁶⁵ Bentley 1996; Bentley 2002; Bentley 2003.

⁶⁶ Bentley 2007.

появление новых исторических субдисциплин, новые сильные теории, классики – «свои» и «чужие»), применительно ко всемирной истории, безусловно, можно говорить об утверждении новой междисциплинарной субдисциплины и даже выходе глобальной и транснациональной истории на авансцену исторических исследований. Но, мне кажется, что и на этом поле не наблюдается ни *новых* сильных теорий, ни отличного от наследия XX в. *корпуса* признанных имен.

Однако показательно, что в выпуске “*History and Theory*”, посвященном прогнозам развития истории на грядущие полвека, Дэвид Кристиан предсказывает, что

«в следующие 50 лет мы увидим возвращение древней традиции “универсальной истории”; но это будет новая форма универсальной истории, глобальной на деле и научной по духу и методу, вплоть до возможной интеграции исторической гуманитаристики с исторически ориентированными естественными науками, включая космологию, геологию и биологию»⁶⁷.

4. Новые перекрестки

Задачей данной статьи была ревизия состояния исторической науки за последние 15 лет с целью определить, в какой мере продолжается процесс освоения теоретического инструментария, который оказался в распоряжении историков к концу прошлого века, и насколько активно возникают исследовательские области, основанные на новых теориях и моделях. Сравнительный анализ при данной формулировке темы заключался в соотнесении содержания обновления исторической науки, прежде всего по таким параметрам, как теоретические новации, появление новых методов, модификации предмета исследования (особенно связанные с новыми междисциплинарными взаимодействиями). Сопоставление в рамках этой общей задачи динамики развития исторической дисциплины второй половины XX в. и начала XXI в. подтверждает предложенную исследовательскую гипотезу о «выходе на плато» после почти полувековых бурных и разнообразных теоретических трансформаций. В том числе и анализ такой динамичной области, как всемирная история (в раз-

⁶⁷ Christian 2010. P. 6.

ных ее версиях), не дает, по моему мнению, достаточных оснований, чтобы говорить о существенном *теоретическом* перевороте даже в одной отдельно взятой области истории.

Можно предложить некоторые релевантные объяснения ситуации с «историей и теорией».

Конечно, ответ, который сразу приходит на ум, это естественный процесс развития науки, предполагающий снижение потребности в новых теориях после нескольких десятилетий необыкновенно (ненормально?) бурного развития. Видимо, освоенные в XX в. теории позволяют производить множество новых конкретных исследований и такое положение в исторической науке может продлиться довольно долго. Одно только тематическое разнообразие исторических работ, которое демонстрируют научные издания, свидетельствует в пользу такого объяснения. Но к закономерному процессу «переваривания» методологических новаций 1960–1980 гг. надо прибавить как минимум еще три причины. Или допустить их наличие.

1. Разочарование в общих теориях и шлейф постмодернистского наступления на науку. Казалось бы, историки благополучно пережили атаку постмодернистов и вышли из этой ситуации с минимальными потерями. Годы идут, а исторических работ, выдержанных в постмодернистском духе, почти не появляется, хотя манифестов было достаточно. Однако последствия постмодернизма оказались намного более серьезными, чем представлялось на рубеже веков. Постмодернистский дух практически не повлиял на исторический метод, но очень заметно воздействовал на тематику. И на отношение к теоретическим моделям, шире – к научности истории. Кроме того, очевидно, что постмодернизм сказался на системе аргументации: стандарты строгого научного изложения значительно ослабли.

2. Негативные перемены, которые произвело в исторической науке институциональное утверждение *cultural studies* (в данном случае нас не интересуют позитивные). Появление с 1980-х годов многочисленных кафедр, курсов, журналов и грантов по культурным исследованиям не сильно радовало традиционных историков. Не случайно книга Алэна Блума «Конец американского разума» (1987), призывавшая историков вернуться к «настоящим книгам и важным проблемам», неожиданно стала бестселлером. Артур Шлезингер тогда же писал, что «культ этничности» является атакой на «общую американскую идентичность»⁶⁸, попыткой «по-

⁶⁸ Цит. по: *Levin* 1993.

вернуть поколение колледжей против европейской и западной традиции», разновидностью «культурного и лингвистического апартеида», и призвал «молчаливое большинство» американских профессоров не молчать, а бросить вызов «модной глупости». Затем последовали другие работы о засилье cultural studies и беспомощности университетских академических историков перед политкорректностью⁶⁹. Тем не менее содержание журналов, где когда-то тон задавали те самые американские профессора, свидетельствует, что сопротивление экспансии cultural studies оказалось делом нелегким, если не безнадежным. Достаточно сказать, что с 2004 г. “*Journal of American History*” начинает рецензировать не только историческую литературу, но и фильмы! – новая форма презентации истории признается исторической ассоциацией в качестве легитимной⁷⁰.

Здесь самое время задаться вопросом, как учились те историки, которые сегодня могли бы интересоваться теорией?⁷¹ А учились они так и тогда, когда на академическом уровне произошли радикальные изменения в учебных планах за счет исторических дисциплин. Популярность cultural studies привела к тому, что в настоящее время преподавание истории в университетах все дальше отрывается от модели классического исторического образования. Об этом свидетельствуют, например, результаты исследований, проведенных в начале нынешнего века весьма влиятельной в США организацией – Американским советом попечителей и выпускников (American Council of Trustees and Alumni – АСТА). Как показал проведенный АСТА анализ учебных программ, в последние годы в списках обязательных тем курсы по истории часто объединяются в одну группу с различными неисторическими курсами под рубриками «американская культура», «мировая культура», «текстовые и исторические исследования» и т.п. «культурологическими» предметами. Например, в университете Вашингтона в Сент-Луисе темы «Раса и этничность на американском телевидении» и «Американский феминизм и театр» классифицировались как курсы по текстологическим и историческим исследованиям⁷². И конечно, студенты-историки, получившие именно такое эклектическое образование, сегодня уже практикуют.

⁶⁹ См.: Levin 1993. P. 852, fn. 5.

⁷⁰ Потапова. Рукопись.

⁷¹ Мысль об этом подсказал мне Аркадий Перлов.

⁷² Restoring America’s Legacy: The Challenge of Historical Literacy in the 21st Century 2002.

Все же, судя, в частности, по анализу материалов “*Journal of American History*” за 1999–2008 гг., сделанному Н.Д. Потаповой, и на это стоит обратить внимание – можно отследить утрату позиций *cultural studies*. В декабре 2002 г. редакция “*Journal of American History*” инициирует обсуждение проекта Линн Хант и Ричарда Байорнаки «По ту сторону культурного поворота»⁷³. Сборник вышел в 1999 г., в период, когда лидеры направления активно продвигали идеи «культурного поворота» на интеллектуальном рынке, а всего три года спустя «в новом контексте это обсуждение читается как ностальгическое прощание с темой»⁷⁴.

3. Наконец, можно предположить скудость сопредельных социальных наук, к концепциям которых могут обращаться историки. Если там нет новых плодотворных теорий, удобных для изучения прошлого, то и «присваивать» нечего. Но так ли это? С одной стороны, для такого заключения основания имеются. С другой – в контексте предложенной темы, с моей точки зрения, внимание привлекает одна радикальная новация. Она обнаруживается в целом ряде дисциплин, и в ней на самом деле проявляется, казалось бы, давно исчезнувший *империализм* истории, поскольку налицо очередной виток *историзации* ряда наук (и не только социальных), выраженный в активном использовании неodarвинистской эволюционной теории⁷⁵, биологическом или когнитивном повороте в антропологии⁷⁶, успехах эволюционной экономики⁷⁷, историческом измерении в экологии⁷⁸.

Сегодня мы определенно имеем дело с темпорализацией очень разных дисциплинарных дискурсов. И в связи с этим кратко остановлюсь на процессах, происходящих в наиболее близких к истории социальных науках: антропологии и социологии.

Речь идет о дальнейшем углублении истории (в прямом смысле: на глубину миллионов лет) в исторической антропологии и о так называемой «третьей волне»⁷⁹ в исторической социологии. Суть новой концеп-

⁷³ *Bonnell, Hunt* 1999.

⁷⁴ *Потапова*. Рукопись.

⁷⁵ *The Return of Science: Evolution, History, and Theory* 2002; *Fracchia, Lewontin* 1999 and the subsequent debate in *History and Theory* 44 (February 2005); *Runciman* 2005; *Fracchia, Lewontin* 2005; *Runciman* 2005.

⁷⁶ *Smail* 2008.

⁷⁷ См., например: *Witt* 2006; *Witt* 2008; *Frontiers of Evolutionary Economics* 2001.

⁷⁸ *Szabo* 2010.

⁷⁹ Под таким названием объединяются в единое направление представители современной исторической социологии, для которых характерно внимание к событию, волево-му акту, случайности и пр. См.: *Adams et al.* 2005.

ции истории, предложенной антропологами, историкам достаточно известна – радикальный и обширный междисциплинарный проект, охватывающий миллионы лет и многие биологические виды как объект истории (*Biological talk is everywhere!*). Культура здесь рассматривается как видоспецифическая форма существования человека – одного из видов приматов, т.е. снимается противопоставление между *human* и *unhuman*, натурой и культурой⁸⁰. Принцип «многообразия культур» стимулирует связь с «далекой и широкой» историей, потому что все имеют право на прошлое и должны быть «представлены». Логическим результатом применения этого тезиса стало радикальное удлинение истории (во всяком случае – предыстории) и принципиальное расширение понимания взаимодействия человека с природной средой (далеко превосходящее броделианское) в исторической антропологии. Это явление назвали «биологическим» или «когнитивным» поворотом, и историки достаточно о нем осведомлены.

А вот «третья волна» в социологии странным образом остается незамеченной.

Представители третьей волны (Рональд Аминзаде, Дж. Касанова, Элизабет Клеменс, Брайан Дилл, Д. Дж. Фрэнк, Лэрри Гриффин, Джеффри Хайду, Майкл Хэчтер, Эдгар Кизер, Джон Мэйер, Уильям Сьюэлл и др.)⁸¹ отвергли базовые принципы своих учителей (а среди них были такие известные ученые, как Тедда Скокпол, Иммануэль Уоллерстайн, Шмуэль Айзенштадт, Чарльз Тилли) и сконцентрировались не на типологии, поисках подобия, преемственности и *больших* нарративах, а на принципиально ином – случайности, динамике, изменчивости, неустойчивости, мутациях. Разрабатываемые ими объяснительные модели существенно повышают статус исторических акторов и отдельных событий и, соответственно, фокусируются на непредвиденных долговременных последствиях человеческих действий в разворачивании исторических траекторий. Тем самым процесс анализа сосредоточен на последовательностях (событий), вероятности и непредсказуемости, поворотных точках, «исторических ловушках» и т.п., а результатом исследования становится не создание типологий, а выковывание индивидуальных для каждой исто-

⁸⁰ См., например, книгу Жан-Мари Шеффера. *Шеффер* 2010. *Gamble* 2007; *Smail* 2008.

⁸¹ О «третьей волне» см.: *Steinmetz* 2007; *Clemens* 2006; *Adams et al.* 2005; *Abbott* 2001; *Griffin* 1992; *Clemens* 2005; *Friedland, Alford* 1991; *Griffin* 1993; *Griffin et al.* 1997; *Haydu* 1998; *Isaac, Griffin* 1989; *Kiser, Hechter* 1991; *Mahoney* 2000; *Mahoney* 2004; *Sewell* 2005; *Somers* 1998.

рической тенденции цепей событий и причинно-следственных связей (достаточно сложно устроенных). «Третья волна» в исторической социологии поражает именно своей историчностью, столь ценным для историков стремлением объяснить сложные переплетения самых разных факторов, устремлений, событий, порой неожиданных по своим последствиям даже ретроспективно.

Историки, в том числе американские, практически ничем не выдают своей осведомленности о разработках «третьей волны». Между тем похоже, что это направление в социологии уже довольно influentially. Статьи «новых» исторических социологов с завидной регулярностью печатаются в ведущих социологических журналах, а обзоры написанных ими книг можно найти практически в любом номере “*Annual Review of Sociology*”.

Таким образом, мы наблюдаем очередную интервенцию на территорию историков. В середине прошлого века в США это были экономисты – и сегодня в США экономической историей занимаются преимущественно экономисты на факультетах экономики⁸². К концу прошлого века пришлось столкнуться с интервенцией филологов (новый историзм), и историки оказались очень чувствительны к постмодернистскому вызову. Адепты гендерных и феминистских исследований, а также постколониального дискурса тоже активно вторглись на территорию прошлого. Теперь происходит интервенция исторической социологии. Но здесь есть одно «но», отличающее это вторжение от многих других. «Третья волна», как кажется, наконец-то радикально *приблизилась* к историкам, поставив в центр своих исследований единичное, индивидуальное, уникальное в перспективе времени.

Произойдет ли на этом очередном перекрестке «историческая встреча» – вопрос, как мне кажется, с предсказуемым ответом. Междисциплинарное общение в предложенном теоретическом формате потребовало бы от историков овладения достаточно сложным и относительно новым теоретическим арсеналом (во многом он заимствован из экономической

⁸² О результатах этой интервенции для экономической истории в США Уильям Сьюэлл пишет: «Относительное безразличие профессиональных историков к истории экономической жизни в последние 30 лет... кажется парадоксальным, если принять во внимание поразительные трансформации, произошедшие с мировым капитализмом в тот же самый период. Я объясняю такое равнодушие свершившимся когда-то захватом междисциплинарного поля экономической истории математически ориентированными экономистами и почти одновременным разворотом историков от социальной к культурной истории» (Sewell 2010).

теории), который социологи «третьей волны» мобилизовали для решения проблем исторической изменчивости и непредсказуемости. Но перекресток (хотя бы один!) обнаружен.

Библиография

Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Пер. с фр. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999 [1960].

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Пер. с нем. М.: Языки славянской культуры, 2004 [1992].

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Пер. с фр. В 3-х т. Ч. I. М.: Прогресс, 1986–1992 [1979].

Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Пер. с фр. В 3-х ч. Ч. 1: Роль среды. Ч. 2: Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. М.: Языки славянской культуры, 2002–2003 [1949/1990].

Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XV в. Пер. с итал. М.: РОССПЭН, 2000 [1976].

Дарнтон Р. Великое кошачьё побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. Пер. с англ. М.: НЛЮ, 2002 [1984].

[Земон] Дэвис Н. Возвращение Мартена Герра. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1990 [1983].

[Земон] Дэвис Н. Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века. Пер. с англ. М.: НЛЮ 1999 [1995].

Ионов И.Н. От всеобщей истории к глобальной истории: роль постколониальной критики. Рукопись. С. 6.

Ионов И.Н. Основные направления и методология глобальной истории // Новая и Новейшая история. 2003. № 1. С. 18–29.

Ле Руа Ладюри Э. Монтанью, окситанская деревня (1294–1324). Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001 [1975].

Потапова Н.Д. Современное состояние исторического знания. Сравнительный анализ исторической периодики России и США, 1999–2008. (Исследование в рамках проекта Смольного института свободных искусств и наук «Болонский процесс и основные направления модернизации исторического образования в России» при поддержке Фонда МакАртуров). Рукопись.

Репина Л.П. Идея всеобщей истории в России: от классики к неоклассике // «Гуманитарные исследования» (ИГИТИ ГУ ВШЭ). 2009. Вып. 1 (38).

Савельева И.М. Классики в исторической науке: «свои» и «чужие» // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы / ред. Л.П. Репина. М.: ЛКИ. 2011. С. 491–515.

Савельева И.М., Полетаев А.В. Классическое наследие. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2010.

Савельева И.М., Полетаев А.В. «Там, за поворотом...»: о модуле существования истории с другими социальными и гуманитарными науками // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации / ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2005.

Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. В 2-х т. Т. 1: Конструирование прошлого. Т. 2: Образы прошлого. СПб.: Наука, 2003–2006.

Саид Э. Ориентализм. Западные образы Востока. СПб.: Русский Мир, [1978] 2006.

Сea Л. Философия американской истории. Судьбы Латинской Америки. М.: Прогресс, [1978] 1984.

Тлостанова М.В. Эра Агасфера, или Как сделать читателей менее счастливыми // Иностранная литература. 2003. № 1 (<http://magazines.russ.ru/inostran/2003/1/tlost.html>).

Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка [1984]. Пер. с англ. М.: Весь Мир, 2000.

Феномен прошлого / ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М.: ГУ ВШЭ, 2005.

Филиппов А.Ф. Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008.

Хобсбаум Э. Век революции [1972]. Век капитала [1975]. Век империй [1987]. В 3-х т. Пер. с англ. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.

Шартье Р. Культурные истоки Французской революции [1990]. Пер. с фр. М.: Искусство, 2001.

Шенк Ф.Б. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе от эпохи Просвещения до наших дней // Новое литературное обозрение. 2001. № 6 (52).

Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности. М.: НЛО, 2010.

Эриксон Э.Г. Молодой Лютер: психоаналитическое историческое исследование [1958]. Пер. с англ. М.: Медиум, 1995.

Abbott, A. Time Matters: On Theory and Method. Chicago: University of Chicago Press, 2001.

Across Cultural Borders. Historiography in a Global Perspective / ed. by E. Fuchs, B. Stuchtey. Lanham, 2002; Writing World History 1800–2000 / ed. by E. Fuchs, B. Stuchtey. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2003.

Adams, J., Clemens, E.S. and Orloff, A.S. Introduction: Social Theory, Modernity, and the Three Waves of Historical Sociology / ed. by J. Adams et al. Remaking Modernity: Politics, History, and Sociology. Durham, NC, and London: Duke University Press, 2005. P. 1–72.

AHR Forum: Oceans of History // American Historical Review. June 2006. Vol. 111. No. 3. P. 711–780.

Alison, G. Atlantic History: Definitions, Challenges, and Opportunities // American Historical Review. June 2006. Vol. 111. No. 3. P. 741–757.

Ankersmit, F. The Three Levels of “Sinnbildung” in Historical Writing; Language and Historical Experience / ed. by J. Rüsen. Meaning and Representation in History. N.Y.; Oxford: Berghahn Books, 2006.

Baker, A.R.H. Geography and History: Bridging the Divide. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Bayly, C. The Birth of the Modern World, 1780–1914: Global Connections and Comparisons. Malden, Mass., Blackwell Publishing, 2004.

Bentley, J.H., Ziegler H.F. Traditions and Encounters: A Global Perspective on the Past [2000]. Boston: McGraw-Hill, 2003.

Bentley, J.H. The New World History / ed. by L. Kramer, S. Maza. A Companion to Western Historical Thought. Oxford: Blackwell, 2002. P. 393–416.

Bentley, J.H. Shapes of World History in Twentieth-Century Scholarship. Washington, D.C.: American Historical Association, 1996.

Bentley, J.H. World History and Grand Narrative / ed. by B. Stuchtey. Writing World History, 1800–2000. Oxford: Oxford University Press, 2003.

Bentley, J.H. Why Study World History? // World History Connected 5.1 (2007): 19 pars. 1 May 2011 (<http://www.historycooperative.org/journals/whc/5.1/bentley.html>).

Bevernage, B. Time, Presence, and Historical Injustice // History and Theory. May 2008. Vol. 47. Issue 2. P. 149–167.

Beyond the Cultural Turn: New Directions in the Study of Society and Culture / ed. by Bonnell, E. Victoria, L. Hunt. Berkeley: Berkeley University Press, 1999.

Boyd, R., Richerson, P.J. Culture and the Evolutionary Process. Chicago: University of Chicago Press, 1985.

Boyd, R., Richerson, P.J. 2005a. The Origin and Evolution of Cultures. Oxford: Oxford University Press, 2005.

Boyd, R., Richerson, P.J. 2005b. Not by Genes Alone: How Culture Transformed Human Evolution. Chicago: University of Chicago Press, 2005.

Bulliet, R.W., Crossley, P.K., Headrick, D.R., Johnson, L.L. The Earth and its Peoples: a Global History. Boston: Houghton Mifflin Company, 2008.

Burke, P. Popular Culture in Early Modern Europe. L.: Temple Smith, 1978.

Canizares-Esguerra, J. How to Write the History of the New World: Histories, Epistemologies, and Identities in the Eighteenth-Century Atlantic World. Stanford, California: Stanford University Press, 2002.

Carr, D. Narrative Explanation and its Malcontents // History and Theory. February 2008. Vol. 47. Issue 1. P. 19–30.

Casey, E.S. Earth-MaPing: Artists Reshaping Landscape. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 2005.

Chakrabarty, D. Minority Histories, Subaltern Pasts // Postcolonial Studies. 1998. Vol. 1. No. 1. P. 15, 22–27.

Chakrabarty, D. Provincializing Europe. Postcolonial Thought and Historical Difference. Princeton: Princeton University Press, 2000.

Change and Continuity // History Workshop. Spring 1995. Vol. 39. Issue 1. P. iii–iv.

Christian, D. The Return of Universal History // History and Theory. Special Issue: The Next Fifty Years. December 2010. Vol. 49. Issue 4. P. 6–27.

Clark, E. History, Theory, Text. Historians and the Linguistic Turn. Cambridge: Harvard University Press, 2004.

Classen, Ch., Kansteiner, W. Truth and Authenticity in Contemporary Historical Culture: an Introduction to Historical Representation and Historical Truth // History and Theory. May 2009. Vol. 48. Issue 2. P. 1–4.

Classen, Ch. Balanced Truth: Steven Spielberg's Schindler's List Among History, Memory, And Popular Culture // History and Theory. May 2009. Vol. 48. Issue 2. P. 77–102.

Clemens, E.S. Afterword: Logics of History? Agency, Multiplicity, and Incoherence in the Explanation of Change / ed. by J. Adams et al. Remaking Modernity: Politics, History, and Sociology. Durham, NC, and London: Duke University Press, 2005. P. 493–515.

Clemens, E.S. Sociology as a Historical Science // The American Sociologist. Summer 2006. Vol. 37. Issue 32. P. 30–40.

Comparison and History: Europe in Cross-National Perspective / ed. by D. Cohen, M. O'Connor. N.Y.: Routledge, 2004.

Coleman, M., Agnew, J.A. The Problem with Empire / ed. by J.W. Crampton, S. Elden. Space, Knowledge and Power: Foucault and Geography. Aldershot: Ashgate Publishing Ltd. 2007. P. 317–339.

Cowen, N. Global History: A Short Overview. Cambridge: Blackwell, 2001.

Cresswell, T. In Place/out of Place: Geography, Ideology and Transgression. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.

Crossley, P.K. What is Global History? Cambridge: Polity Press, 2008.

Culture and Resistance: Conversations with Edward W. Said. Interviews with Said by David Barsamian. Cambridge: South End Press, 2003.

Das Kaiserreich transnational. Deutschland in der Welt 1871–1914 / Hg. S. Conrad, J. Osterhammel. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2004.

Dietze, C. Toward a History on Equal Terms: A Discussion of Provincializing Europe // History and Theory. February 2008. Vol. 47. Issue 1. P. 69–84.

Dirks, N. Castes of Mind: Colonialism and the Making of Modern India. Princeton: Princeton University Press, 2001.

Ethington, P.J. Placing the Past: “Groundwork” for a Spatial Theory of History // Rethinking History. December 2007. Vol. 11. Issue 4. P. 465–493.

Faire de l’histoire / J. Le Goff, P. Nora (eds.). 3 t. Paris: Éditions Gallimard, 1974.

Fanon, F. The Wretched of the Earth [1961]. N.Y.: Grove Weidenfeld, 1963.

Fanon, F. Black Skin, White Masks [1952]. N.Y.: Grove Press, 1967.

Fanon, F. Toward the African Revolution [1964]. N.Y.: Grove Press, 1969.

Fracchia, J., Lewontin R.C. Dialectical Itineraries // History and Theory. May 1999. Vol. 38. Issue 2. P. 169–197.

Fracchia, J., Lewontin R.C. The Price of Metaphor // History and Theory. February 2005. Vol. 44. Issue 1. P. 14–29.

Friedland, R., Alford, R.R. Bringing Society back in: Symbols, Practices, and Institutional Contradictions / ed. by W. Powell, P. DiMaggio. The New Institutionalism in Organizational Analysis. Chicago: University of Chicago Press, 1991. P. 232–263.

Frontiers of Evolutionary Economics / ed. by J. Foster, J. Stanley Metcalfe. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2001.

Gamble, C. Origins and Revolutions: Human Identity in Earliest Prehistory. N.Y.: Cambridge University Press, 2007.

Gentlemanly Capitalism, Imperialism and Global History / ed. by Shigeru Akita. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2002.

Geyer, M., Bright, Ch. World History in a Global Age // American Historical Review. October 1995. Vol. 100. Issue 4. P. 1034–1060.

Gieryn, T. F. A Space for Place in Sociology // Annual Review of Sociology. 2000. Vol. 26. Issue 1. P. 463–496.

Gilbert, H. Tompkins, J. Post-Colonial Drama: Theory, Practice, Politics. L.: Routledge, 1996.

Global History Reader / ed. by B. Mazlish, A. Iriye. N.Y.; L.: Routledge, 2005.

Globalisation in World History / ed. by A.G. Hopkins. L.: WW Norton, 2002.

Goody, J. The Theft of History. N.Y.: Cambridge University Press, 2006.

Griffin, L.J. Narrative, Event-Structure Analysis and Causal Interpretation in Historical Sociology // American Journal of Sociology. 1993. No. 98. P. 1094–1133.

Griffin, L.J. Temporality, Events, and Explanation in Historical Sociology: An Introduction // Sociological Research and Methods. 1992. Vol. 20. Issue 4. P. 403–427.

Griffin, L.J., Clark P., Sandberg J. Narrative and Event: Lynching and Historical Sociology / ed. by F. Brundage. Under Sentence of Death: Lynching in the South. Chapel Hills, NC: University of North Carolina Press, 1997. P. 24–47.

Haydu, J. Making Use of the Past: Time Periods as Cases to Compare and as Sequences of Problem Solving // American Journal of Sociology. 1998. Vol. 104. No. 2. P. 339–371.

History and Theory Overview ([http://onlinelibrary.wiley.com/journal/10.1111/\(ISSN\)1468-2303/homepage/ProductInformation.html](http://onlinelibrary.wiley.com/journal/10.1111/(ISSN)1468-2303/homepage/ProductInformation.html)).

History and Theory. February 2005. Vol. 44. Issue 1.

History and Theory. October 2005. Vol. 44. Issue 4.

History and Theory: The Next Fifty Years. December 2010. Vol. 49. Issue 4.

Hobsbawm E.J. The Age of Extremes. L.: Michael Joseph & Pelham Books, 1994.

Hobsbawm E. On History. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1997.

Holden, P., Purcell, N. The Mediterranean and “the New Thalassology” // *American Historical Review*. June 2006. Vol. 111. No. 3. P. 722–740.

Hughes-Warrington, M. World History and World Histories // *World History Connected*. 2006. Vol. 3. No. 3 (<http://worldhistoryconnected.press.uiuc.edu/3.3.html>).

Iggers G.G. *Historiography in the Twentieth Century. From Scientific Objectivity to the Postmodern Challenge*. Hanover, NH: Wesleyan University Press; University Press of New England, 1997 [Germ. ed. 1993].

Iggers, G. A Search for a Post-Postmodern Theory of History // *History and Theory*. February 2009. Vol. 48. Issue 1. P. 122–128.

International Handbook of Historical Studies: Contemporary Research and Theory / ed. by G.G. Iggers, H.T. Parker. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1979.

Internationale Geschichte. Themen – Ergebnisse – Aussichten / Hg. W. Loth, J. Osterhammel. München: Oldenbourg, 2000.

Isaac, L.W., Griffin, L.J. Ahistoricism in Time-series Analysis of Historical Process: Critique, Redirection, and Illustrations from U.S. Labor History // *American Sociological Review*. 1989. Vol. 54. No. 6. P. 873–890.

Jay, M. Faith-Based History // *History and Theory*. February 2009. Vol. 48. Issue 1. P. 76–84.

Journal of Global History. 2006–2010.

Kansteiner, W. Success, Truth, and Modernism in Holocaust Historiography: Reading Saul Friedländer Thirty-Five Years after the Publication of *Metahistory* // *History and Theory*. May 2009. Vol. 48. Issue 2. P. 25–53.

Keilbach, J. Photographs, Symbolic Images, and The Holocaust: on the (Im)Possibility of Depicting Historical Truth // *History and Theory*. May 2009. Vol. 48. Issue 2. P. 54–76.

Kiser, E., Hechter, M. The Role of General Theory in Comparative-Historical Sociology // *American Journal of Sociology*. 1991. Vol. 97. Issue 1. P. 1–30.

Kocka, J. Comparison and Beyond // *History and Theory*. February 2003. Vol. 42. Issue 1. P. 39–44.

Kossock, M. From Universal to Global History // *Conceptualizing Global History* / ed. by B. Mazlish, R. Buultjens. Boulder, 1993. P. 93–112.

L’Histoire et le métier d’historien en France 1945–1995 / F. Bédarida (ed.). Paris.: Éditions de la MSH, 1995.

La nouvelle histoire / R. Chartier, J. Le Goff, J. Revel (eds.). Paris: Retz/CEPL, 1978.

- Les lieux de mémoire / P. Nora (ed.). 7 t. Paris: Gallimard, 1984–1993.
- Levi, G.* *L'eredità immateriale. Carriera di un esorcista nel Piemonte del Seicento.* Torino: Einaudi, 1985.
- Levin, L.W.* *Clio, Canons and Culture // Journal of American History.* December 1993. Vol. 80. No. 3. P. 852.
- Livingstone, D.* *The Geographical Tradition.* Oxford: Blackwell, 1992.
- Löw, M.* *Raumsoziologie.* Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2001.
- Mahoney, J.* *Comparative-historical Methodology // Annual Review of Sociology.* 2004. Vol. 30. P. 81–101.
- Mahoney, J.* *Path Dependence in Historical Sociology // Theory and Society.* 2000. Vol. 29. Issue 4. P. 507–548.
- Manning, P.* *Navigating World History. Historians Create a Global Past.* N.Y.: Palgrave Macmillan, 2003.
- Massey, D.* *For Space.* L.: Sage, 2005.
- Matsuda, M.K.* *The Pacific // American Historical Review.* 2006. Vol. 111. P. 758–780.
- Mazlish, B.* *The New Global History.* N.Y.: Routledge, 2006.
- Mazlish, B.* *Comparing Global History to World History // Journal of Interdisciplinary History.* 1998. Vol. 28. Issue 3. P. 385–396.
- Mazlish, B.* *Big Questions? Big History? // History and Theory.* May 1999. Vol. 38. Issue 2. P. 232–248.
- McNeill, W.H.* *The Rise of the West: The History of the Human Community.* Chicago: University of Chicago Press, 1964.
- Meaning and Representation in History / ed. by J. Rüsen.* N.Y.; Oxford: Berghahn Books, 2006.
- Medick, H.* *Weben und Überleben in Laichingen, 1650–1900. Lokalgeschichte als Allgemeine Geschichte.* Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1996.
- Murdoch, J.* *Post-Structuralist Geography: a Guide to Relational Space.* L.: Sage, 2006.
- New Perspectives on Historical Writing / P. Burke (ed.).* Cambridge: Polity Press, 1991.
- The New History: The 1980's and Beyond. Studies in Interdisciplinary History / ed. by Th. K. Rabb, R. Rothberg.* Princeton, NJ: Princeton University Press, 1982.
- Novick, P.* *That Noble Dream: The “Objectivity Question” and the American Historical Profession.* Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

O'Brien, P.K. Historical Traditions and Modern Imperatives for the Restoration of Global History // *Journal of Global History*. 2006. Vol. 1. Issue 1. P. 3–39.

Osterhammel, J. Colonialism: A Theoretical Overview. [1995] 2nd ed. Princeton: Marcus Wiener Publishers. 2005.

Osterhammel, J. Internationale Geschichte. Themen, Ergebnisse, Aussichten. München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2000.

Osterhammel, J., Petersson, N.P. Globalization: A Short History. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2005.

Osterhammel, J., Petersson, N.P. Geschichte der Globalisierung. Dimensionen, Prozesse, Epochen. München: C.H. Beck Verlag, 2003.

Palgrave Advances in World Histories / ed. by M. Hughes-Warrington. Chichester, West Sussex: Palgrave Macmillan, 2005.

Passés recomposés: Champs et chantiers de l'histoire / J. Boutier, J. Dominique (eds.). Paris: Éditions Autrement, 1995.

The Political Imagination in History: Essays Concerning J. G. A. Pocock / ed. by D.N. DeLuna and assisted by P. Anderson and G. Burgess. Baltimore MD: Owlworks, 2006.

Pomian K. Sur l'histoire. Paris: Éditions Gallimard, 1999.

Printy, M. Skinner and Pocock In Context: Early Modern Political Thought Today // *History and Theory*. February 2009. Vol. 48. Issue 1. P. 113–121.

History and Theory Forum: Provincializing Europe // *History and Theory*. February 2008. Vol. 47. Issue 1.

The Public Historian. University of California Press. Summer 2010. Vol. 32. Issue 3.

Restoring America's Legacy: The Challenge of Historical Literacy in the 21st Century. Washington, D.C.: American Council of Trustees and Alumni, 2002.

Rethinking American History in a Global Age / ed. by P. Bender. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2002.

Rethinking the Foundations of Modern Political Thought / ed. by A. Brett, J. Tully, with H. Hamilton-Bleakley. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2006.

The Return of Science: Evolution, History, and Theory / ed. by Ph. Pomper, D. Gary Shaw. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2002.

Reynolds, D. One World Divisible: a Global History. L.: Allen Lane, 2000.

Rigney, A. All This HaPened, More or Less: What a Novelist Made of The Bombing of Dresden // *History and Theory*. May 2009. Vol. 48. Issue 2. P. 5–24.

Runciman, W.G. Culture Does Evolve // *History and Theory*. February 2005. Vol. 44. Issue 1. P. 1–13.

Runciman, W.G. Rejoinder to Fracchia and Lewontin // *History and Theory*. February 2005. Vol. 44. Issue 1. P. 30–41.

Runia, E. Burying The Dead, Creating The Past // *History and Theory*. October 2007. Vol. 46. Issue 3. P. 313–325.

Sachsenmaier, D. World History as Ecumenical History? // *Journal of World History*. 2007. Vol. 18. Issue 4. P. 465–490.

Sewell Jr., W.H. A Strange Career: The Historical Study of Economic Life // *History and Theory*. December 2010. Vol. 49. Issue 4. P. 146–166.

Sewell Jr., W.H. *Logics and History: Social Theory and Social Transformation*. Chicago: University of Chicago Press, 2005.

Sibley, D. *Geographies of Exclusion*. L.: Routledge, 1995.

Smail, D. *On Deep History and the Brain*. Berkeley: University of California Press, 2008.

Somers, M.R. ‘We’re no Angels’: Realism, Rational Choice, and Relationality in Social Science // *American Journal of Sociology*. 1998. Vol. 104. Issue 3. P. 722–784.

The Spatial Turn: Interdisciplinary Perspectives / ed. by B. Warf, S. Arias. L.: Routledge, 2009.

Spiegel, G.M. Revising The Past / Revisiting The Present: How Change HaPens in Historiography // *History and Theory*. December 2007. Vol. 46. Issue 4. P. 1–19.

Stavrianos, L.S. *Lifelines from Our Past. A New World History*. N.Y.: Pantheon, 1989.

Stearns P.N. *European Society in Upheaval. Social History Since 1800*. N.Y.: Macmillan, 1967.

Stearns, P. N. *Western Civilization and World History*. N.Y.; L.: Routledge, 2003.

Steinmetz, G. The Relations between Sociology and History in the United States: The Current State of Affairs // *Journal of Historical Sociology*. March/June 2007. Vol. 20. Issue 1–2. P. 1–12.

Stinchcombe, A.L. Should Sociologists Forget Their Mothers and Fathers? // *The American Sociologist*. February 1982. Vol. 17. No. 1. P. 2–11.

Stoler, A.L. Imperial Dispositions of Deregard // *Ab Imperio*. 2009. No. 2. P. 13–63.

Szabo, P. Why History Matters in Ecology: an Interdisciplinary Perspective // *Environmental Conservation*. Cambridge: December 2010. Vol. 37. Issue 4. P. 380–388.

Taylor, Ch. *A Secular Age*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2007.

Thompson, E.P. *Plebeian Culture and Moral Economy*. L.: Methuen, 1980.

Tilly Ch. *Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons*. N.Y.: Russell Sage Foundations, 1984.

Tilly, Ch., Tilly L., Tilly R. *The Rebellious Century, 1830–1930*. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1975.

Traditions and Encounters. A Global Perspective on the Past / ed. by J. Bentley, H.F. Ziegler. Boston, 2003.

Wehler, H.-U. *Historische Sozialwissenschaft und Geschichtsschreibung. Studien zu Aufgabe und Traditionen der deutschen Geschichtswissenschaft*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1980.

Werner, M., Zimmermann, B. *Beyond Comparison: Histoire Croisée and The Challenge of Reflexivity* // *History and Theory*. February 2006. Vol. 45. Issue 1. P. 30–50.

Western Historical Thinking: An Intercultural Debate / ed. by J. Rüsen. N.Y.; Oxford: Berghahn Books, 2002. P. vii, ix.

Wigen, K. *Oceans of History* // *American Historical Review*. 2006. No. 111. P. 717–721.

Windschuttle, K. *The Killing of History: How Literary Critics and Social Theorists are Murdering Our Past*. San Francisco: Encounter Books, 1996.

Witt, U. *The Evolving Economy: Essays on the Evolutionary Approach to Economics*. *Global Business and Economics Review*. 2006. Vol. 8. No. 3/4. P. 338–342.

Witt, U. *Evolutionary Economics* // *The New Palgrave Dictionary of Economics* / ed. by S. Durlauf, L. Blume. 2nd ed. L.; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2008.

Witt, U. *The Evolving Economy: Essays on the Evolutionary Approach to Economics*. Cheltenham: Edward Elgar, 2003.

World Civilizations: The Global Experience / ed. by Peter N. Stearns et al. 2 vol. N.Y., 2000–2003.

Препринт WP6/2011/03
Серия WP6
Гуманитарные исследования

Савельева Ирина Максимовна

Что случилось с «Историей и теорией?»

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Корректор *О.С. Большова*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$, Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 2,7
Усл. печ. л. 2,6. Заказ № . Изд. № 1352

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
Тел.: (499) 611-24-15